

* буквальный перевод названия главы – «музыка закончилась, люди разошлись». Обр. всё хорошее заканчивается, после веселья наступает затишье.

На следующий день Бай Цзы Хуа проснулся и увидел небольшое пятно крови на кровати, и понял, что прошлой ночью вновь потерял контроль из-за яда и выпил кровь Хуа Цяньгу. Но раньше он хотя бы смутно помнил произошедшее накануне, а на этот раз у него не было никакого представления о случившемся. Он был немного зол на себя. Кажется, он больше не может оставаться здесь, иначе однажды, сам того не подозревая, подвергнет опасности жизнь Сяо Гу. Но это настойчивое нежелание уходить, скрытое в глубине души, тяготило его. С кем же он не в силах расстаться?

Увидев пресс-папье на столе, давящее на письмо от старшего брата, он догадался, что это Сяо Гу положила его туда. Через некоторое время он уже летел в Чертог Алчности. В принципе, он был почти готов. Пришло время старшему брату узнать об этом, и тогда он сможет покинуть гору Чанлю.

- Гу Той! - Танбао сильно встряхнула ее.

- А? Что такое? - Хуа Цяньгу в панике уронила палочки для еды на пол.

- Ты вообще слушала меня? Ты грызла свои палочки для еды и глупо лыбилась, глядя в окно, как слабоумная.

- Хе-хе... Всё в порядке, продолжай.

Танбао прикусила капустный лист, как будто кусала носовой платок, и застенчиво посмотрела на нее:

- Тогда скажешь, что мне делать?

Хуа Цяньгу завернула в капустный лист большой рисовый шарик и, набив полный рот, спросила:

- Ты о чём?

Танбао сердито покатила по столу перед ней.

- У-у-у! Ты совсем меня не слушала. Я сказала, что брат Ло Ши И признался мне прошлой ночью. Что мне делать?

- Пуф-ф-ф! – глаза Хуа Цяньгу расширились, напомнив маленькие колокольчики, когда она выплюнула полный рот риса на Танбао, как будто небесная фея, рассыпающая цветы.

Чего?

Танбао застенчиво спрятала голову, и её тело стало прозрачным и розовым, сжавшись в комочек.

Хуа Цяньгу ткнула пальцем в её мордочку, чувствуя себя беспомощной, но находя это забавным.

- Что именно он тебе сказал?

- Он сказал: «Бао Бао, ты мне действительно нравишься. Позволь мне заботиться о тебе всю оставшуюся жизнь!» – продекламировала Танбао, подражая ласковому тону Ло Ши И.

- Ха-ха! А потом?

- Потом, пока я всё ещё пребывала в шоке, он поцеловал меня, - голос Танбао стал еще мягче.

Хуа Цяньгу схватилась за живот, смеясь так сильно, что чуть не упала в обморок.

- Откуда ты знаешь, что это было настоящее признание? Что, если старший брат хочет забрать тебя домой в качестве домашнего животного?

- Нет, ты не представляешь, как он добр ко мне. Он покупает мне всё, что бы я ни пожелала съесть, в отличие от тебя, которая всегда кормит меня одной травой и листьями.

- Я ограничиваю тебя в еде, потому что боюсь, что твои зубы сгниют. Ты - гусеница. Конечно, ты должна есть много зеленых растений, чтобы получать достаточное количество витаминов. Я хорошая мать и не балую тебя, как твой отец и Ло Ши И! Ну а потом? Что ты ответила?

- Я сказала, что мама Гу Тоу будет заботиться обо мне всю оставшуюся жизнь, а ему нужно лишь почаще играть со мной.

Хуа Цяньгу могла только представить себе убитое горем лицо Ло Ши И, когда он получил такой ответ, и использовала свои палочки для еды, чтобы приподнять Танбао и поместить ее перед собой.

- Я слишком ленива, чтобы заботиться о тебе. Кстати, тебе нравится Ши И Шисюн?

- Да, - честно ответила Танбао.

- А как насчет Циншуй?

- Ха-ха, она мне тоже нравится.

Хуа Цяньгу беспомощно покачала головой:

- Я думаю, тебе следует подождать, пока ты не будешь ясно различать, где любовь, а где - просто симпатия. Однако я надеюсь, что ты не будешь слишком сближаться с Ло Ши И.

- Почему?

Хуа Цяньгу не ответила, лишь обеспокоенно посмотрела в окно. Ревность Ни Мань Тянь была настолько сильной, что было трудно гарантировать, что она не отравит Танбао, но в настоящее время она могла положиться только на Ло Ши И.

- Гу Тоу! Гу Тоу! - Танбао с тревогой прикусила ее палец. - Ты все еще беспокоишься о краже божественных орудий? Не переживай, всё пройдет по плану.

Хуа Цяньгу кивнула головой и слегка вздохнула.

Танбао вдруг прошептала:

- Гу Тоу, тебе действительно так нравится благородный наставник? На самом деле папа действительно хорош.

Хуа Цяньгу на мгновение вздрогнула, посмотрела на нее сверху вниз и слегка улыбнулась:

- Чувства, которые я испытываю к Шифу, не такие простые. На самом деле, я до сих пор не совсем понимаю, каково это - любить кого-то. Я чувствую, что единственная разница заключается в том, что я сильно нервничаю, и мое сердце бешено колотится в его присутствии. Но к наставнику я испытываю огромное уважение, восхищение и благодарность, симпатия к нему, вероятно, не составляет и десятой части этих чувств. Я ни о чем не прошу, я просто надеюсь, что с ним всё будет хорошо, и я всегда смогу быть его ученицей и сопровождать его.

- Но если мы украдем божественные орудия, простит ли нас благородный наставник?

Хуа Цяньгу покачала головой:

- Меня это больше не волнует. Пока я могу вывести яд из тела Шифу, я готова понести любое

наказание. Но ты должна помнить, Танбао, остерегайся Ни Мань Тянь.

- Почему?

- Ты глупый ребенок, тебе кажется, что все тебя любят, поэтому ты не можешь заметить ненависть другого человека к тебе. Хотя характер Ни Мань Тянь нельзя назвать таким уж плохим, она слишком ревнивая и мстительная, слишком дерзкая и беспринципная. Если человек обладает этими качествами, он может совершать ужасные поступки, не задумываясь о последствиях. Может быть, я слишком много думаю, но тебе всё равно не стоит слишком сближаться с Ши И Шисюном, чтобы она не выплеснула на тебя гнев, который испытывает ко мне, понимаешь?

- Не волнуйся, я достаточно сильна, чтобы справиться с ничтожной Ни Мань Тянь.

Хуа Цяньгу покачала головой: «Я боюсь, что она будет действовать коварно». Она уже несколько раз испытала это на себе.

- Сяо Гу, - внезапно прозвучал голос Бай Цзы Хуа.

Хуа Цяньгу была ошеломлена:

- Чего желает учитель?

- Зайди в кабинет, учителю есть, что тебе сказать.

Хуа Цяньгу поспешно побежала в кабинет, а Танбао продолжила бороться с тарелкой.

- Шифу, - Хуа Цяньгу скользнула взглядом по уголкам его белоснежной одежды, но так и не осмелилась поднять на него глаза. Вспомнив о том, что произошло прошлой ночью, она покраснела, как помидор.

- Эти книги на столе - то, что тебе нужно прочитать в ближайшие два года. Я написал всё, что тебе нужно сделать, и решение некоторых проблем, с которыми ты можешь столкнуться в будущем, в этой синей тетради. Если ты что-то не поймёшь или у тебя возникнут трудности, можешь заглянуть сюда.

- Шифу? - Хуа Цяньгу изумленно посмотрела на него.

- Я покину гору Чанлю через два дня, а ты оставайся и учись, путь всё идёт своим чередом. Ты сделала всё, что могла, чтобы продлить мне жизнь. Я запечатаю все божественные орудия и передам их старшему соученику перед уходом, а затем их разбросают по миру. Скажите всем, что я ушел в уединение, храните эту тайну насколько возможно долго, чтобы не вызвать хаос в

царстве бессмертных.

- Нет, учитель... - Хуа Цяньгу ошеломленно покачала головой.

- Я скажу старшему наставнику, чтобы он время от времени учил тебя, но, когда я уйду, тебе придется во всем полагаться на себя.

- Я не хочу этого, я просто хочу Шифу! - крикнула Хуа Цяньгу, теряя всякий контроль.

- Сяо Гу, моя судьба была предопределена несколько месяцев назад. Это благословение, что я смог использовать твою силу, чтобы выжить по сей день. Будучи наполовину бессмертной, как ты можешь цепляться за вопрос жизни и смерти? - Бай Цзы Хуа едва слышно вздохнул. - Сколько тебе в этом году исполняется лет?

- Девятнадцать, - ответила Хуа Цяньгу, стараясь, чтобы ее голос не дрожал.

- Ты уже взрослая, и должна видеть более ясно. Самое запретное в совершенствовании - это одержимость. Если... если ты хочешь стать кем-то большим, останься на горе Чанлю еще на несколько лет, а затем вернись на Маошань и стань ее главой. Ты должна оправдать ожидания даосского монаха Цинсю и снова восстановить гору Мао.

Маошань нуждается в ней больше, чем гора Чанлю, там она может сделать что-то полезное. Глядя на ее лицо, неизменное в течение многих лет, Бай Цзы Хуа вдруг захотелось узнать, как будет выглядеть Сяо Гу, когда вырастет, но жаль, что у него не будет возможности увидеть ее снова.

Хуа Цяньгу опустилась перед ним на колени.

- Учитель, прошу тебя, не мог бы ты отложить это еще на несколько дней? По крайней мере, подожди еще пять дней, чтобы вместе отпраздновать мой день рождения, прежде чем уйти? - ей необходимо выиграть время, чтобы добыть артефакты.

Бай Цзы Хуа промолчал и на мгновение заколебался. Отсрочка означала, что ему придется полагаться на кровь Сяо Гу в течение нескольких дней. Подумав об этом еще раз, он, наконец, кивнул.

В то время как Бай Цзы Хуа большую часть времени находился в уединении, Хуа Цяньгу занималась поиском информации, в основном полезной для кражи артефактов, особенно о том, как снять с них печать.

Поскольку она собиралась провести свой день рождения с Шифу, она попросила Цяому Цинлю приготовить большой пиршественный стол за день до этого и пригласила всех поесть и выпить на прощание.

Увидев, как все поют, шутят и играют, у Хуа Цяньгу это вызвало целый хаос сложных чувств и мыслей. Она знала, что после завтрашней ночи она больше не сможет вернуться к этим счастливым временам на горе Чанлю.

После окончания банкета Хуа Цяньгу возвращалась в Чертог Безучастия, когда ее остановил Шуо Фэн.

- Что, черт возьми, происходит? - Шуо Фэн сразу перешел к делу.

Хуа Цяньгу виновато улыбнулась и вдруг подумала, что он видел учителя в тот день, поэтому решила ответить честно.

- Учитель, он был сильно отравлен. Это дело не простое, пожалуйста, держи это в секрете!

Шуо Фэн бесшумно парил в воздухе, его глаза сияли ярче, чем самые яркие звезды в ночном небе.

- Итак... ты потеряла много крови и стала такой слабой, потому что он пьет твою кровь ночь за ночью, чтобы продлить свою жизнь, верно?

- Это не так! Я буквально заставила Шифу поступить так. Шифу стал таким, как сейчас, потому что спасал меня.

- Значит, последние несколько дней ты места себе не находила, думая о том, как его спасти?

Хуа Цяньгу кивнула.

- Ты нашла способ?

- Я...

- Не отрицай этого, иначе ты не была бы сейчас такой спокойной и решительной. Слова, которые ты сказала на пиру, явно были скрытым прощальным посланием. Способ нейтрализовать яд очень опасен, верно?

- Да.

- Что тебе нужно?

- Камень Ньюва, - Хуа Цяньгу в глубине души доверяла Шуо Фэну без всякой причины и чувствовала, что нет необходимости скрывать это от него.

Тело Шуо Фэна слегка покачнулось, и его лицо на мгновение побледнело.

- Ты имеешь в виду, что хочешь собрать все божественные орудия, чтобы восстановить Камень Ньюва?

- Да.

- Ты точно решила?

- Я готова на всё ради спасения Шифу!

Шуо Фэн тихо вздохнул. Значит, такова судьба.

- Что ж, позволь мне помочь тебе.

Хуа Цяньгу удивленно воззрилась на него.

- Нет, я не могу позволить тебе так рисковать.

Шуо Фэн спокойно посмотрел на нее:

- Если это действительно так опасно, наличие двух человек уменьшит риск вдвое. Поверь мне, я могу тебе помочь.

- Нет. Ни в коем случае! Согласно правилам Чанлю, ты можешь умереть десять раз за это преступление, и этого всё равно будет недостаточно.

Шуо Фэн рассмеялся:

- Но поскольку я уже знаю, если ты не примешь мою помощь, я донесу на тебя. Тогда ты ничего не сможешь сделать.

- Ты... - Хуа Цяньгу сердито надула щеки.

Взгляд Шуо Фэна был подобен воде, в нем плескалась печаль:

- Благородный наставник не может умереть. Помощь тебе обернется пользой для всего царства бессмертных.

- Хорошо, - Хуа Цяньгу знала, что он был таким же упрямым, как она сама, ей оставалось только согласиться.

- Когда начнём действовать?

- Завтра вечером.

На следующий день был день рождения Хуа Цяньгу. Она встала рано утром и тщательно оделась, собрав волосы как обычно в два пучка на макушке, но украсив их двумя кольцами белых бархатных цветов. Ее новая зеленая юбка была очень замысловато расшита Циншуй специально для нее. Ее изящное личико было немного бледным, но в остальном выглядело сияющим и очаровательным.

Весь стол она устала любимыми блюдами Шифу. Она даже вычистила весь Чертог Безучастия и заменила увядшие персиковые деревья новыми.

- Шифу! Шифу, обед подан! - радостно закричала она, как будто снова стала такой, как раньше.

Бай Цзы Хуа медленно вышел из комнаты и, посмотрев вдаль, увидел, что цветы персика вновь расцвели пышным цветом по всему двору, только он не был деревом, и не сможет вернуться к жизни весной.

Обеденный стол находился не в комнате, а под цветущим персиковым деревом во внутреннем дворе. Бай Цзыхуа сел за стол и с удовольствием наблюдал, как Хуа Цяньгу подает ему еду. В предыдущие годы они тоже проводили ее день рождения вот так, просто ели и разговаривали. Хуа Цяньгу всегда приставала к нему, спрашивая, в какой день у него день рождения, но, прожив столько сотен лет, дни казались ему слишком длинными, и он не мог вспомнить. Поэтому она заявила, что теперь они вдвоем будут праздновать день рождения в этот день каждый год.

Это можно рассматривать как последний прием пищи в последний день рождения их обоих. В будущем ей придется праздновать это событие в одиночестве.

Хуа Цяньгу продолжала накладывать ему овощи и доливать вино, беспрерывно болтая во время еды. В уголках рта Бай Цзы Хуа появилась улыбка. После стольких лет время для него текло бесшумно, как вода. Сто лет были подобны мгновению, небо никогда не менялось, и он тоже.

Даже если бы он опустошил свой разум, он ничего не смог бы извлечь из своей памяти. Но с тех пор, как появилась она, дни вдруг, казалось, замедлились, обрели краски и звуки. Каждый момент, проведенный с ней, он помнил совершенно ясно, в отличие от событий, произошедших сотни и тысячи лет назад.

После ужина Хуа Цяньгу улыбнулась и сказала:

- Учитель, не мог бы ты достать цитру Фу Си? Я хочу сыграть для тебя песню.

Этого детского выражения он не видел уже очень давно. Бай Цзы Хуа слегка кивнул, вынул цитру Фу Си из внутреннего хранилища и отдал ей.

Хуа Цяньгу взяла цитру и устроилась под цветущим персиковым деревом. Прозвучал элегантный и неземной звук цитры, и слои розовых волн из лепестков удивленно упали, а небо окрасилось разноцветными красками. Это была песня «Изгнанный в бренный мир небожитель ропщет на судьбу [1]».

[1] Изгнанный в бренный мир небожитель может также означать «человек не от мира сего». Переводчик с английского утверждает, что это стихотворение Лю Чан Цина, поэта династии Тан. В стихотворении рассказывается о том, как в прекрасный день друг покидает его на плоту. В нем говорится о печали, сопровождающей такое расставание, что очень уместно в данном случае.

Бай Цзы Хуа уставился на нее, его кубок с вином застыл в воздухе. Безграничное горе и боль в ее мелодии тронули и его. Звук увядания был рыданием, выражающим всё нежелание расставаться и беспомощность, как будто она хотела выразить всю свою сердечную благодарность и уважение в своей песне. Все отдельные мгновения, которые они провели друг с другом, постоянно прокручивались в его голове вместе с песней. Он крепче сжал чашку и облегченно вздохнул. Однако мелодия эхом отдавалась в его голове еще долго после того, как она смолкла.

Хуа Цяньгу передала ему цитру, чтобы он мог положить ее обратно в своё внутреннее хранилище. Когда он увидел, что она улыбается ему, он внезапно почувствовал, что его голова становится тяжелее. Ее зеленая фигура также становилась все более и более размытой в море розового.

«Шифу, пожалуйста, прости Сяо Гу», - он смутно слышал бормотание Сяо Гу в своих ушах, когда почувствовал, что сознание медленно покидает его.

Фигура Хуа Цяньгу внезапно вспыхнула и превратилась в зеленый огонёк. Воспользовавшись моментом, когда Бай Цзы Хуа укладывал цитру Фу Си обратно в своё внутреннее хранилище, она влетела внутрь и забрала все божественные орудия.

Сердце Бай Цзы Хуа охватил страх, но было слишком поздно, жизненная сила покидала его, и

ему ничего не оставалось, кроме как медленно сомкнуть глаза.

<http://tl.rulate.ru/book/26661/2550561>